

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие к русскому изданию	7
Введение	9
1. Мальчишка из большого города	29
2. Как я стал экономистом	47
3. Экономика и политика	62
4. Частное лицо	85
5. Черный понедельник	108
6. Падение стены	131
7. Демократы у власти	148
8. Иррациональный оптимизм	168
9. На рубеже тысячелетий	185
10. Экономический спад	207
11. Проблемы нации	226
12. Универсалии экономического роста	247
13. Модели капитализма	263
14. Пути развития Китая	287
15. Тигры и слон	302
16. Острые локти России	313
17. Латинская Америка и популизм	322
18. Текущий баланс и долг	333
19. Глобализация и регулирование	348

20. Головоломка	361
21. Образование и неравенство доходов.....	374
22. Мир пенсионеров — можем ли мы позволить себе это?.....	390
23. Корпоративное управление	402
24. Энергетическая проблема	415
25. Скрытое от взоров будущее	440
Эпilog.....	479
Благодарности	502
Источники информации	505
Список литературы	508
Предметный указатель	512

ПРЕДИСЛОВИЕ К РУССКОМУ ИЗДАНИЮ

Кто такой Алан Гринспен и почему его личность вызывает живой интерес во всем мире? Секрет прост — это бывший председатель Федеральной резервной системы США, человек, участвовавший в принятии ключевых экономических решений на протяжении минимум четверти века. Он родился в Нью-Йорке в 1926 году. После окончания общеобразовательной школы получил музыкальное образование и некоторое время играл в профессиональном оркестре. Однако с детства его привлекала математика, а потом бизнес и финансы. Даже работая в оркестре, он читал финансовую литературу и занимался составлением налоговых деклараций для своих коллег-музыкантов. Публичную деятельность Гринспен начал в 1968 году, приняв участие в предвыборной кампании Ричарда Никсона. Затем он возглавил Экономический совет при президенте и, наконец, занял кабинет председателя ФРС, где проработал более 18 лет.

Книга Алана Гринспена «Эпоха потрясений» — это не мемуары в классическом понимании, а скорее глобальный экономический анализ. Она логически разделена на две части. Вторая часть посвящена анализу нынешней ситуации в различных странах и построению сценариев развития событий. В ней рассматривается положение Китая, Индии, Японии, стран Европы, России и — наиболее детально — проблемы, стоящие перед США. Однако этот анализ был бы неполным без первой, автобиографической части, где раскрывается процесс становления личности автора. Гринспен рассказывает о своем детстве, учебе в школе, начале профессиональной деятельности, приходе на государственную службу.

На мировоззрение Алана Гринспена сильное влияние оказали взгляды Адама Смита и Джозефа Шумпетера. С работами Адама Смита он познакомился после Второй мировой войны, когда теорию этого экономиста практически предали забвению. Возврат к экономическим идеям Смита начался лишь в конце 1960-х годов,

когда Гринспен пришел на государственную службу. Концепция созидательного разрушения Шумпетера занимает особое место в книге. Гринспен считает созидательное разрушение, т.е. отказ от старых технологий и методов производства в пользу новых, основополагающей идеей рыночного капитализма.

Немалую роль в формировании взглядов Алана Гринспена сыграла Айн Рэнд. Она фактически помогла ему сформировать макро-видение мира. В начале 1950-х Гринспен стал сторонником ее философии — либертарианства — и до сих пор придерживается либертарианских взглядов.

Книгу «Эпоха потрясений» в определенной мере можно считать учебником истории глобализации. Россия, которой посвящены две главы, — неотъемлемая часть глобальной экономики. Глобальные процессы несомненно влияют на нашу экономику. Наши внутренние события также не проходят бесследно для мира. Например, российский дефолт 1998 года привел к краху одного из самых крупных и успешных хедж-фондов Уолл-стрит — Long-Term Capital Management (LTCM). Понимание взаимодействия глобальной и национальной экономики очень важно сегодня. Именно поэтому полезно познакомиться со взглядами такого убежденного сторонника глобализации, как Алан Гринспен.

Книга «Эпоха потрясений» интересна и познавательна. Она написана живым языком, по ходу повествования автор делает многочисленные отступления, объясняющие различные аспекты функционирования финансовой системы. В результате получается сплав истории жизни выдающейся личности и мини-уроков по экономике. Эту книгу стоит прочитать всем, кого интересуют финансы, экономика и процессы глобализации. Ее изучение должно стать обязательным элементом экономического образования.

Алексей Кудрин

Заместитель председателя Правительства РФ,

министр финансов РФ

май 2008 — сентябрь 2011

ВВЕДЕНИЕ

Днем 11 сентября 2001 года я летел в Вашингтон рейсом 128 авиакомпании Swissair после очередной международной встречи представителей банковских кругов в Швейцарии. Когда я шел по проходу между рядами, меня остановил начальник моей охраны Боб Агню. По своему характеру Боб, бывший сотрудник спецслужб, был приветливым, хотя и не слишком разговорчивым человеком. Но в тот момент меня поразила его мрачность. «Господин председатель, — тихо произнес он, — с вами хочет поговорить командир корабля. Два самолета врезались в башни Всемирного торгового центра». Должно быть, он увидел на моем лице недоверие, потому что добавил: «Я не шучу».

Командир, находившийся в кабине экипажа, был заметно взволнован. Он говорил по-английски с легким акцентом. По его словам, террористы захватили несколько авиалайнеров, два из которых протаранили небоскребы Всемирного торгового центра, а один врезался в здание Пентагона. Судьба еще одного самолета оставалась неизвестной. Больше он ничего сказать не мог и лишь добавил, что мы возвращаемся в Цюрих и что остальных пассажиров не будут информировать об истинной причине возвращения.

«Нам действительно необходимо вернуться? — спросил я. — А нельзя ли приземлиться в Канаде?» Ответ был отрицательным. Командир сказал, что у него приказ — лететь в Цюрих.

Пока звучало объявление о том, что авиадиспетчерская служба направляет самолет обратно в Цюрих, я прошел к своему креслу. Телефоны на пассажирских местах были выключены, поэтому я не мог связаться с землей. Коллеги из Федеральной резервной системы (ФРС), бывшие в эти выходные вместе со мной в Швейцарии, летели домой другими рейсами. В отсутствие возможности узнать, что происходит, в ближайшие три с половиной часа мне только и оставалось, что размышлять. Я глядел в иллюминатор, просматривал ра-

бочие документы и бумаги, которые вез с собой, — кипы служебных записок и экономических отчетов, вовремя не выложенных из портфеля. В голове все время крутилась мысль: «А что если это нападение — лишь пролог какого-то глобального заговора?»

Больше всего я беспокоился за жену — Андреа работала ведущим международным корреспондентом NBC в Вашингтоне. В тот день ее не было в Нью-Йорке, что уже хорошо. Посещение Пентагона также не значилось в ее ближайших планах. Скорее всего она находится в студии NBC в центре города и занята освещением произошедших событий. Стало быть, не стоит особо волноваться, убеждал я себя... но что если в последний момент она отправилась на встречу с каким-нибудь генералом в Пентагон?

Беспокоила меня и судьба коллег из ФРС. Все ли с ними в порядке? А с их родственниками? Наверняка сейчас делается все, чтобы не допустить кризиса. Такое нападение — первое на территории США со времен Перл-Харбора — способно свергнуть страну в хаос. Для меня важнее всего была оценка возможных последствий для экономики.

Вероятность возникновения экономического кризиса была более чем очевидной. В худшем случае нам грозил полный крах финансовой системы, хотя я все же считал такой сценарий практически нереальным. В ведении ФРС США находится система электронных платежей, через которую осуществляются переводы денежных средств и ценных бумаг между банками по всей стране и почти по всему миру на сумму свыше \$4 трлн в сутки.

Всегда считалось, что для разрушения американской экономики достаточно вывести из строя электронную платежную систему. В этом случае банки вынуждены будут вернуться к малоэффективным физическим способам перевода денег, предприятиям придется заключать бартерные сделки и использовать долговые расписки, а экономическая активность в стране резко упадет.

Во времена холодной войны по инициативе ФРС все каналы связи и узлы обработки данных, обеспечивающие работу электронной платежной системы, были многократно продублированы. Это повышает устойчивость к ядерному удару. Кроме того, используются и другие средства защиты: например, базы данных одного федерального резервного банка копируются и хранятся в другом федеральном резервном банке за сотни

милей от него. В случае ядерного нападения наши сотрудники в кратчайшие сроки могут восстановить работу системы из районов, не подвергшихся заражению. Именно этими возможностями должен был сегодня воспользоваться Роджер Фергюсон, вице-председатель ФРС. Я был уверен, что он и другие мои коллеги сделают все для сохранения жизнеспособности мировой долларовой системы.

Вместе с тем я сомневался, что террористы хотели нарушить работу финансовой системы государства. Скорее всего, это был символический акт против капиталистической Америки, как и тот взрыв на автостоянке Всемирного торгового центра восемью годами ранее. Больше всего меня тревожила мысль о страхе, который могло породить нападение, особенно если за ним последуют новые теракты. В такой высокоразвитой экономической системе, как наша, люди должны непрерывно взаимодействовать друг с другом, обмениваться товарами и услугами, а разделение труда настолько глубоко, что выживание каждой семьи напрямую зависит от эффективности коммерческой деятельности. Если население перестанет участвовать в повседневной экономической жизни (например, инвесторы сбросят акции, предприниматели перестанут заключать сделки, а покупатели прекратят ходить в торговые центры, опасаясь террористов-смертников), то возникнет эффект снежного кома. Причиной панических настроений и кризисов всегда является психологический фактор. Удар, который только что обрушился на США, вполне способен вызвать значительный спад деловой активности и, как следствие, стремительный рост нищеты.

Задолго до приземления нашего самолета мне было совершенно ясно, что мир стоит на пороге серьезных перемен, характер которых трудно предугадать. В любом случае атмосфера самоуспокоенности, царившая в американском обществе в течение десяти лет после окончания холодной войны, исчезла.

Мы прилетели в Цюрих в 20.30 по местному времени, когда в Соединенных Штатах был полдень. У трапа меня встретили представители центрального банка Швейцарии и сразу же повели в специальную комнату в зале ожидания. Они предложили посмотреть видеозаписи крушения башен-близнецов и пожара в Пентагоне, но я отказался. Я работал много лет рядом с Всемирным торговым центром, у меня были там друзья и знакомые, и кто-то из них мог оказаться в числе жертв. Я не

хотел смотреть на разрушения. Мне нужно было только одно — работающий телефон.

Около девяти вечера я наконец дозвонился Андреа на сотовый и с облегчением услышал ее голос. Мы обменялись лишь приветствиями, после чего Андреа сказала, что ей нужно бежать — она находилась в студии и вот-вот должна была выйти в эфир с последними новостями. «Расскажи хотя бы в двух словах, что у вас происходит», — попросил я.

Андреа держала телефон у одного уха, прижимая к другому наушник, из которого доносился голос нью-йоркского продюсера специальных выпусков новостей. Он почти кричал: «Андреа, к тебе едет Том Брокау! Ты готова?» Она едва успела сказать мне: «Слушай». Потом, не отключая, положила сотовый телефон на колени и обратилась к камерам. Я слышал то, что слышала в тот момент вся Америка: пропавший самолет авиакомпании United Airlines, рейс 93, разбился в Пенсильвании.

После этого мне удалось дозвониться в ФРС до Роджера Фергюсона. Мы быстро прошлись по плану действий в кризисной ситуации. Как и следовало ожидать, Роджер держал ситуацию под контролем. Затем я связался с главой аппарата Белого дома Энди Кардом и попросил его организовать мне специальный рейс в Вашингтон, поскольку полеты гражданских самолетов над территорией США были полностью прекращены. Наконец, я отправился обратно в гостиницу в сопровождении охраны, чтобы немного поспать, пока не поступят дальнейшие указания.

На рассвете я снова летел в Америку на борту топливозаправщика KC-10 ВВС США — единственного доступного на тот момент самолета. Обычным его предназначением была дозаправка военных самолетов над водами Северной Атлантики. В кабине пилотов царил мрачное настроение. «Ни за что бы не поверил, — сказал командир. — Вот, послушайте». Я приложил к уху шлемофон, но кроме атмосферных помех в нем ничего не было. «Обычно в Северной Атлантике радиозфир забит переговорами, — пояснил он. — А эта тишина... просто жутко становится». Судя по всему, кроме нас, в этом районе никого не было.

Когда мы снизились над восточным побережьем и вошли в воздушное пространство США, наш топливозаправщик встретили и повели два истребителя F-16. Командир корабля получил разрешение пролететь над тем местом, где раньше стояли

башни-близнецы, в южной оконечности Манхэттена. Офисы, в которых я проработал не один десяток лет, располагались всего в нескольких кварталах от Всемирного торгового центра. В конце шестидесятых — начале семидесятых годов я наблюдал за возведением башен-близнецов. А теперь, с высоты 35 000 футов, их дымящиеся остатки сразу бросались в глаза.

После приземления я сразу же поехал в ФРС в сопровождении полицейского эскорта по забаррикадированным улицам. На месте мы немедленно приступили к работе.

В целом система электронных платежей функционировала нормально. Однако, поскольку гражданские самолеты не летали, возникали задержки в перевозке и расчетах по старым добрым чекам. Однако это была чисто техническая проблема — довольно существенная, но вполне разрешимая. Федеральным резервным банкам нужно было лишь временно расширить кредитование коммерческих банков.

В последующие дни основную часть времени я следил за происходящими событиями, стараясь не пропустить признаки надвигающейся экономической катастрофы. В течение семи месяцев перед 11 сентября в экономике отмечался небольшой спад, как последствие краха интернет-компаний 2000 года. Однако ситуация начинала меняться к лучшему. Мы регулярно снижали процентные ставки, рынки постепенно стабилизировались... К концу августа внимание общественности переключилось с проблем экономики на персону Гэри Кондита — калифорнийского конгрессмена, чьи весьма двусмысленные и неохотные показания по поводу пропавшей девушки стали главной темой вечерних новостей. Андреа практически не выходила в эфир с репортажами о событиях в мире, и я помню, насколько невероятным мне это казалось — неужели на Земле и вправду все настолько замечательно, что интерес телевизионщиков вызывают лишь внутренние политические скандалы? Что касается ФРС, в тот период у нас не было других забот, кроме дальнейшего снижения процентных ставок.

После 11 сентября отчеты и данные, поступающие из федеральных резервных банков, коренным образом изменились. Федеральная резервная система включает в себя 12 банков, распределенных по всей стране. Они кредитуют коммерческие банки в своих регионах и регулируют их деятельность. Кроме того, федеральные резервные банки — это лакмусовая бумажка американской экономики. Их сотрудники находятся в постоянном контакте с местными банкирами и предпринимателями,

и получаемая ими информация об объемах заказов и продаж опережает официальные данные как минимум на месяц.

Так вот, по данным федеральных резервных банков, люди перестали покупать то, что не было связано с подготовкой к новым атакам террористов. Резко возросли продажи продовольственных товаров, средств обеспечения безопасности и бутилированной воды. Выросли объемы страхования. В секторах же пассажирских перевозок, туризма и развлечений, в гостиничном бизнесе и секторе корпоративных и деловых мероприятий наметился спад. Было очевидно, что прекращение воздушного сообщения отрицательно скажется на поставках свежих овощей с западного побережья на восточное, но никто не ожидал, что негативный эффект проявится так быстро в других отраслях. Например, поток автомобильных комплектующих из Виндзора (провинция Онтарио, Канада) на заводы Детройта застопорился на речной переправе между двумя городами, что сыграло не последнюю роль в решении Ford Motor временно закрыть пять предприятий. Производители уже не первый год работали по методу «точно вовремя», т.е. вместо создания на своих складах запасов полагались на своевременную доставку важных деталей воздушным транспортом. Закрытие воздушного пространства и ужесточение процедур пограничного контроля привели к появлению перебоев, узких мест и срыву производственных графиков.

Тем временем американское правительство развило кипучую деятельность. В пятницу 14 сентября конгресс одобрил выделение из бюджета \$40 млрд на финансирование чрезвычайной программы по борьбе с терроризмом. Одновременно он разрешил президенту применять военную силу в отношении тех «государств, организаций и лиц», которые причастны к нападению на США. Президент Буш обратился к нации с речью, которая может войти в историю как наиболее знаменательное выступление за весь период его правления. «Америка стала мишенью атаки, потому что она — светоч свободы и равных возможностей для всего мира, — заявил он. — ...И никому не погасить его». Рейтинг популярности Буша сразу же вырос до 86%, а заявленный политический курс единодушно поддержали и республиканцы, и демократы, хотя такое единодушие было непродолжительным. Капитолийский холм буквально захлестнула волна предложений о том, как преодолеть последствия катастрофы. Предлагались планы выделения значительных средств на поддержку системы авиাপере-

возок, индустрии туризма и отдыха. Многие говорили о расширении налоговых льгот для различных отраслей в целях привлечения капиталовложений. Активно обсуждалась тема страхования от риска террористических актов — механизмы подобного страхования и роль государства в нем.

Я считал, что в первую очередь нужно было восстановить воздушное сообщение и ликвидировать связанные с его прекращением негативные последствия (конгресс довольно быстро принял закон о выделении \$15 млрд на восстановление воздушных перевозок). В остальном я уделял мало внимания кипевшим дебатам. Меня интересовала более общая картина произошедшего, которая до сих пор представлялась туманной. Я был уверен, что широкомасштабные, поспешные и дорогостоящие меры не дадут желаемого результата. В периоды общенациональных катаклизмов каждый конгрессмен считает своим долгом выдвинуть какой-нибудь «судьбоносный» законопроект. Президенты тоже чувствуют потребность в активных действиях. В спешке часто принимаются недальновидные, малоэффективные, а то и ошибочные решения, подобные нормированию продажи бензина, которое было введено по инициативе президента Никсона во время нефтяного эмбарго ОПЕК в 1973 году. (Результат известен: длинные очереди на автозаправках той осенью в некоторых районах страны.) За 14 лет пребывания на посту председателя ФРС я был свидетелем преодоления множества экономических кризисов, включая крупнейший в истории крах фондового рынка, произошедший в течение одного дня, буквально через пять недель после моего вступления в должность. Мы пережили бум и последующий обвал на рынке недвижимости в 1980-е годы, кризис ссудо-сберегательных ассоциаций, финансовые потрясения в странах Азии, не говоря уже об экономическом спаде 1990 года. Мы наблюдали самый продолжительный в истории подъем фондового рынка, за которым последовал крах интернет-компаний. Эти события привели меня к выводу, что самое большое преимущество американской экономики заключается в ее жизненной силе — в ее способности преодолевать кризисы и самовосстанавливаться, зачастую такими путями и темпами, которые невозможно предугадать, а тем более контролировать. Но в нынешних ужасных обстоятельствах действительно могло произойти все что угодно.

Я считал, что необходимо выждать, пока не проявятся реальные последствия трагедии 11 сентября. Именно об этом

я и заявил на встрече с конгрессменами в офисе спикера палаты представителей днем 19 сентября. На встрече, кроме меня, присутствовали сам спикер Деннис Хастерт, лидер меньшинства в палате представителей Дик Гепхардт, лидер сенатского большинства Трент Лотт, лидер сенатского меньшинства Том Дэшл, бывший министр финансов в администрации Клинтона Боб Рубин и советник Белого дома по вопросам экономики Ларри Линдсей. Совещание проходило в обычном конференц-зале рядом с кабинетом Хастерта в здании палаты представителей. Законодатели хотели заслушать Линдсея, Рубина и меня по поводу оценки экономических последствий теракта. Обсуждение было очень серьезным, без театральных эффектов (помнится, я тогда подумал, что именно так и должно работать правительство).

Линдсей сказал, что, поскольку удар террористов был направлен на подрыв доверия к Америке, наилучшим ответом могло бы стать снижение налогов. Он и другие присутствовавшие предлагали как можно скорее осуществить вливание в экономику порядка \$100 млрд. Эта сумма сама по себе не вызвала беспокойства — она не превышала 1% ВВП страны. Однако я возразил, что мы пока не знаем, много это или мало. Действительно, авиаперевозки и индустрия туризма серьезно пострадали, и газеты пестрели историями об увольнениях. Однако уже в понедельник, 17 сентября, возобновила свою работу Нью-Йоркская фондовая биржа, расположенная в трех кварталах от места трагедии. Это событие представлялось весьма важным, поскольку свидетельствовало о постепенной нормализации обстановки. Оно ярко контрастировало с общей картиной, которую мы, в ФРС, пытались составить. Кроме того, восстановилась система расчетов по чекам, а фондовый рынок не демонстрировал признаков обвала — просто произошло некоторое снижение цен, которые затем стабилизировались. Это говорило о том, что большинство компаний не испытывали серьезных проблем. Я предложил продолжить проработку вариантов действий и встретиться через две недели, когда у нас будет более полная информация.

Ту же мысль я озвучил на следующее утро в ходе публичных слушаний в Банковском комитете сената и призвал занять выжидательную позицию. В частности, я сказал: «В настоящий момент никто не в силах четко просчитать все последствия трагедии 11 сентября. Но через несколько недель, когда пройдет первый шок, мы сможем более трезво оценить ситуацию».

и составить прогноз на ближайшую перспективу». Я также подчеркнул жизнеспособность американского общества: «За последние пару десятилетий экономика США стала более устойчивой к потрясениям. Либерализация финансовых рынков, повышение гибкости рынка труда и недавние достижения в сфере информационных технологий укрепили нашу способность противостоять ударам и возвращаться к нормальной жизни».

По правде говоря, в определенном смысле это была «хорошая мина при плохой игре». Как и большинство членов правительства, я не сомневался в возможности новых атак террористов. Публично высказывать эти опасения никто не решался, однако об их существовании говорило единодушие при голосовании в сенате — 98 против 0 в поддержку силовых методов борьбы с терроризмом, 100 против 0 в поддержку законопроекта об усилении мер безопасности на воздушном транспорте. Особое беспокойство вызывала у меня проблема оружия массового поражения (в том числе ядерного), которое могло быть похищено из советских арсеналов в хаосе после распада СССР. Не исключал я и возможности заражения наших водоемов. Тем не менее в официальных выступлениях я звучал довольно оптимистично. Мои опасения, выскажи я их на публике, могли напугать участников рынка до полусмерти. Однако я не считал, что поступаю неправильно: мои высказывания позволяли людям надеяться на лучшее.

В конце сентября появились первые по-настоящему достоверные данные. Обычно наиболее ранним индикатором состояния экономики является число первичных заявок на пособие по безработице (соответствующую статистику еженедельно предоставляет Министерство труда). По итогам третьей недели сентября число таких заявок достигло 450 000, что на 13% превышало уровень конца августа. Этот показатель подтвердил масштабы и серьезность проблемы массовых увольнений, о которых регулярно сообщалось в теленовостях. Я представлял себе тысячи работников, оставшихся без средств к существованию и не знающих, как обеспечить себя и свои семьи. У меня появились сомнения в том, что наша экономика сумеет быстро оправиться. Удар оказался слишком тяжелым даже для такой гибкой системы, как американская.

Наряду с другими аналитиками экономисты ФРС оценивали поступающие предложения по выделению средств и снижению налогов и прикидывали, во что они выливаются. В каждом

случае мы старались свести воедино все детали, чтобы определить общий объем необходимых средств. Удивительно, но все варианты укладывались приблизительно в \$100 млрд, т.е. именно в ту сумму, которую назвал Ларри Линдсей.

В среду, 3 октября, мы вновь собрались в конференц-зале офиса Хастерта, чтобы обсудить ситуацию в экономике. За прошедшую неделю число первичных заявок на пособие по безработице опять выросло: за пособиями обратились еще 517 000 человек. Решение к тому моменту у меня уже созрело. Я по-прежнему не исключал возможности новых нападений террористов, однако их потенциальные масштабы и меры противодействия никто назвать не мог. Поэтому я предложил собравшимся сосредоточиться на устранении того ущерба, который мы способны оценить, и добавил, что время для ограниченного стимулирования экономики пришло. Стоимость необходимого пакета мер оценивалась в \$100 млрд — этого достаточно для поддержки, но не должно привести к чрезмерному стимулированию экономики и росту процентных ставок. Законодатели, похоже, с этим согласились.

Я отправился домой в тот вечер в уверенности, что моя заслуга сводилась лишь к поддержке общего мнения, поскольку сумму в \$100 млрд впервые предложил Ларри. Каково же было мое удивление, когда я прочел в прессе о результатах этого заседания! Ситуация преподносилась так, словно первую скрипку играл именно я¹. С одной стороны, мне приятно было узнать, что конгресс и администрация президента прислушиваются к моему мнению. Однако в целом такое освещение событий несколько выбило меня из колеи. Я всегда неуютно чувствовал себя в роли «командующего парадом». С первых дней своей карьеры я видел себя лишь экспертом за кадром, исполнителем приказов, а не лидером. Только в 1987 году, во время обвала фондового рынка, я свылся с необходимостью принятия ключевых политических решений. Однако и по сей день мне становится не по себе, когда я оказываюсь в центре внимания. В общем, меня нельзя причислить к категории экстрасенсов.

¹ Журнал *Time*, например, писал 15 октября 2001 года: «Своим выступлением Гринспен дал законодателям зеленый свет, которого они давно ждали... Белый дом и лидеры обеих партий согласились с тем, что объем дополнительных ассигнований и налоговых льгот должен составить около 1% ВВП страны, что эффект не заставит себя ждать, а рост дефицита бюджета не приведет к немедленному повышению долгосрочных процентных ставок».

По иронии судьбы, несмотря на приписываемую мне силу убеждения, в последующие недели события развивались совершенно не так, как я ожидал. Ожидание нового нападения террористов стало одной из самых серьезных ошибок, когда-либо допущенных мною. «Ограниченного стимулирования экономики», которому я якобы дал зеленый свет, так и не произошло. План забуксовал по причине политических разногласий и в итоге заглох. Тот пакет мер, который приняли в конце концов в марте 2002 года, не только запоздал на несколько месяцев, но и не имел никакого отношения к национальному благосостоянию. Это был набор сомнительных популистских проектов.

Однако экономика страны сама справилась с кризисом. В ноябре падение промышленного производства прекратилось. В декабре экономика снова была на подъеме, а количество первичных заявок на пособие по безработице снизилось и затем вернулось к досентябрьскому уровню. В этом была определенная заслуга и нашего ведомства, но в целом мы не сделали ничего нового по сравнению с тем, чем занимались до 11 сентября, — мы просто снизили процентные ставки, облегчив привлечение кредитов и финансирование расходов.

Разумеется, я был очень рад, что мои худшие опасения не сбылись. Удивительно быстрое восстановление экономики после трагедии 11 сентября подтверждало чрезвычайно важную вещь: высочайшую жизнеспособность американского общества. Мои оптимистические заявления, с которыми я выступил перед Банковским комитетом сената, оказались абсолютно справедливыми. Всего через несколько недель после катастрофы жизнь населения и работа предприятий вошли в нормальную колею. «В чем же причина столь поразительной гибкости экономической системы?» — спрашивал я себя.

Экономисты пытаются найти ответ на этот вопрос еще со времен Адама Смита. Нам кажется, что разобраться в современной глобализированной экономике почти невозможно. Но ведь Смит в свое время создал экономическую науку практически с нуля, пытаясь осмыслить механизмы развития рынков XVIII столетия. Мне, конечно, далеко до Адама Смита, но и я хотел бы понять природу тех сил, которые определяют облик нашей эпохи.

Эту книгу в определенном смысле можно считать детективом. После трагедии 11 сентября я окончательно убедился в том, что мы живем в новом мире — мире глобализированной

капиталистической экономики, намного более гибкой, жизнеспособной, открытой, адаптивной и динамичной, чем та, которая существовала всего четверть века назад. Этот мир открывает перед человеком колоссальные, неведомые ранее возможности, но выдвигает совершенно новые требования. Книга «Эпоха потрясений» — попытка понять природу нового мира: его истоки, сущность и перспективы. Мои представления излагаются в ней в контексте событий, свидетелем и участником которых я был. Сделано это, с одной стороны, из чувства ответственности перед историей, а с другой — из-за желания показать читателю, кто я такой и откуда пришел. Вот почему книга состоит из двух частей: первая посвящена формированию моей личности, а вторая — концептуальной основе понимания новой глобальной экономики. Я рассматриваю важнейшие элементы этой развивающейся глобальной среды: принципы управления, восходящие к эпохе Просвещения; энергетическую инфраструктуру; глобальные финансовые дисбалансы и коренные изменения мировой демографической ситуации, создающие угрозу дальнейшему развитию; обеспокоенность по поводу справедливости распределения результатов. В заключение я пытаюсь представить, каким будет характер мировой экономики в кажущемся сегодня далеком 2030 году.

Не буду утверждать, что знаю ответы на все вопросы. Но мое положение в Федеральной резервной системе США позволяло мне знакомиться с самыми блестящими идеями и мнениями по широчайшему кругу вопросов. У меня был доступ к академической литературе по множеству проблем, с которыми я и мои коллеги имели дело изо дня в день. Без помощи сотрудников ФРС я бы не смог совладать с таким объемом академических работ, среди которых встречались и исключительно глубокие, и исключительно занудные. При работе над книгой у меня была возможность получать отзывы экономистов ФРС о последних трудах и трудах, представляющих исторический интерес. Мне в кратчайшие сроки предоставляли подробные аналитические отчеты по любым темам — от новых математических моделей оценки риск-нейтральности до статистики по колледжам Среднего Запада, созданным на выделенные государством средства. Таким образом, у меня не было недостатка в материалах для проверки самых смелых теорий.

Наш мир постепенно меняется под воздействием глобальных сил, которые порою почти незаметны. Наиболее очевид-

ными для большинства из нас являются изменения повседневной жизни, связанные с появлением сотовых телефонов, персональных и карманных компьютеров, электронной почты и Интернета. Исследования электронных свойств кремния после Второй мировой войны привели к созданию микропроцессоров, а сочетание достижений в сферах волоконной оптики, лазеров и космических технологий кардинальным образом изменило наши коммуникационные возможности. В итоге жизнь людей на планете — от городка Пекин, штат Иллинойс, до города Пекин, столицы КНР, — стала другой. Значительная часть населения Земли получила доступ к технологиям, которые я, начиная свою профессиональную карьеру в 1948 году, не мог даже представить себе. Они не только упростили и удешевили коммуникацию между людьми, но и кардинально изменили мир финансов, расширили наши возможности по превращению сбережений в инвестиции (ключевой фактор стремительного развития глобализации и процветания).

После Второй мировой войны тарифные барьеры начали постепенно понижаться. Это произошло на фоне повсеместного осознания того факта, что довоенная политика протекционизма привела к сокращению объемов торговли. Ликвидация международного разделения труда привела к спаду мировой экономической активности. Послевоенная либерализация торговли способствовала появлению новых источников дешевых товаров. В сочетании с новыми финансовыми институтами и продуктами (которые стали возможными благодаря полупроводниковым технологиям) она послужила толчком к формированию глобального рынка даже в период холодной войны. В последовавшие 25 лет глобальная капиталистическая система с ее свободным рынком смогла обуздать инфляцию и снизить процентные ставки до уровня менее 10%.

Однако поворотным моментом в истории стало падение Берлинской стены в 1989 году. Оно обнажило ужасающее состояние экономики за железным занавесом, которое поразило даже наиболее осведомленных западных экономистов. Система централизованного планирования показала свою полную несостоятельность, а интервенционистская экономическая политика западных демократий потеряла свою привлекательность. На смену им в большинстве регионов мира естественным образом пришел рыночный капитализм. Вопрос централизованного планирования был снят с повестки дня. Каких-либо заявлений

по этому поводу никто не делал — его просто перестали обсуждать практически во всем мире, за исключением Кубы и Северной Кореи.

По пути рыночного капитализма, после неразберихи переходного периода, пошли не только участники бывшего советского блока, но и большинство стран третьего мира. Они хотя и сохраняли нейтралитет в холодной войне, но ориентировались на централизованное планирование или на мало отличающееся от него жесткое регулирование экономики. Коммунистический Китай, который начал свой путь к рыночному капитализму еще в 1978 году, ускорил перемещение своей рабочей силы (которая насчитывала тогда свыше 500 млн человек) в район свободных экономических зон в дельте реки Сицзян.

Изменения в отношении Китая к защите прав собственности иностранцев были незаметными, однако в итоге они привели к буму прямых иностранных инвестиций после 1991 года. Если в 1980 году их объем составлял всего \$57 млн, то в 1991 году они достигли \$4 млрд. Впоследствии объем прямых иностранных инвестиций в среднем увеличивался на 21% в год и достиг в 2006 году \$70 млрд. Приток капиталовложений в сочетании с изобилием дешевой рабочей силы стал причиной снижения уровня заработной платы и цен в развитых странах. А до этого так называемые «азиатские тигры», особенно Южная Корея, Гонконг, Сингапур и Тайвань, показали, как с помощью современных технологий и экспорта продукции в страны Запада повысить уровень жизни собственного населения.

Темпы экономического роста этих и многих других развивающихся государств существенно превысили темпы роста в прочих регионах мира. В итоге доля развивающихся стран в совокупном мировом ВВП значительно увеличилась, что вызвало далеко идущие последствия. Уровень сбережений населения в таких государствах всегда был намного выше, чем в промышленно развитых державах. В определенной мере это объясняется слабостью систем социальной защиты и, как следствие, стремлением граждан отложить побольше на черный день. Есть и другие причины. Например, меньшая склонность людей к тратам из-за отсутствия развитой культуры потребления. Повышение доли развивающихся стран в мировом ВВП после 2001 года привело к тому, что совокупный рост сбережений в мире значительно опередил планируемый прирост инвестиций. Рыночные процессы, обеспечивающие урав-

нивание объемов общемировых сбережений и инвестиций, вызвали существенное снижение реальных процентных ставок (т.е. номинальных процентных ставок, скорректированных с учетом инфляционных ожиданий). Иными словами, денежная масса, требующая доходных вложений, росла быстрее, чем спрос на инвестиции.

Избыток сбережений в сочетании с углублением глобализации, повышением производительности за счет новых технологий и переходом трудовых ресурсов из систем с плановой экономикой на конкурентные рынки вызвал снижение как реальных, так и номинальных процентных ставок и привел к замедлению темпов инфляции во всех развитых и в подавляющем большинстве развивающихся стран. Именно поэтому годовые показатели инфляции практически во всех государствах сейчас не превышают 10% (единственными заметными исключениями являются Венесуэла, Зимбабве и Иран). Подобная ситуация наблюдалась, пожалуй, только в тридцатые годы прошлого века после отмены золотого стандарта и введения в оборот необеспеченных (бумажных) денег. Весьма примечательно, что все эти факторы проявились почти одновременно, в начале XXI века. Главной причиной стабильного сокращения инфляции и снижения долгосрочных процентных ставок была вовсе не денежно-кредитная политика центральных банков. Однако центральные банки способствовали усилению благоприятного эффекта глобальных изменений в мировой финансовой системе. Вместе с тем по причинам, на которых я остановлюсь далее, ни один из вышеуказанных факторов не может носить постоянный характер. В мире, где правят бумажные деньги, обуздать инфляцию крайне сложно.

Снижение реальных долгосрочных процентных ставок, наблюдавшееся последние двадцать лет, связано с ростом отношения «цена/прибыль» для акций, недвижимости, да и вообще любых доходных активов. С 1985 по 2006 год рыночная стоимость общемировых активов опережала по темпам роста мировой ВВП (исключением стали 2001 и 2002 годы). В результате произошло значительное увеличение общемировой ликвидности. Цены акций и облигаций, жилой и коммерческой недвижимости, предметов искусства и многих других активов резко выросли. Во многих развитых странах домовладельцы получили возможность использовать возросшую стоимость жилья для финансирования покупок, которые иначе они вряд ли смогли позволить себе. Растущая покупательная способ-

ность населения, особенно в Соединенных Штатах, покрывала значительную часть экспорта из стремительно богатеющих развивающихся стран. В конце 2006 года журнал *Economist* писал: «Начиная с 2000 года годовой темп роста мирового ВВП на душу населения держится на уровне 3,2%. В случае его сохранения текущее десятилетие может стать самым благоприятным в истории всемирной экономики. Нынешние темпы развития способны побить рекорды идилических 1950-х и 1960-х годов. Судя по всему, рыночный капитализм, который сейчас правит бал в мире, неплохо справляется со своими задачами». В целом происходящие события не могут не вселять оптимизм. Произошедшее за последнюю четверть века восстановление открытых рынков и свободной торговли позволило сотням миллионов людей во многих странах забыть о нищете. Безусловно, в мире еще немало бедных, однако значительная часть населения развивающихся государств получила возможность насладиться плодами финансового благополучия, ранее считавшегося прерогативой исключительно так называемых «развитых стран».

Историю последней четверти века можно считать историей возвращения могущества рыночного капитализма. Он отступил в результате спада 1930-х годов и растущего вмешательства государства в экономику в 1960-х годах, однако в 1970-е он вновь начал набирать силу и сейчас в той или иной мере присутствует практически во всех регионах мира. Усиление роли коммерческого права и особенно защиты прав собственности способствовало всеобщему росту предпринимательской активности. Это, в свою очередь, привело к возникновению институтов, которые в настоящее время незаметно управляют множеством аспектов человеческой деятельности. Мы получили своего рода международный вариант той «невидимой руки», о которой писал Адам Смит.

Как следствие, государственное регулирование повседневной жизни граждан ослабело — рыночные механизмы постепенно вытеснили ряд важных функций государства. Многие ограничения коммерческой деятельности исчезли. В первые годы после Второй мировой войны международные потоки капитала жестко контролировались, а валютные курсы устанавливались по усмотрению министров финансов. Централизованное планирование было широко распространено как в развивающихся, так и в развитых странах, включая пережитки более раннего государственно-монополистического регулирования

(дирижизма), до сих пор существующие в Европе. Тогда считалось аксиомой, что эффективное функционирование рынка невозможно без вмешательства государства.

В середине 1970-х годов на заседаниях Комитета по экономической политике ОЭСР (в него входили представители 24 стран) только Ханс Титмайер из Западной Германии и я настаивали на проведении рыночной экономической политики. В тот период мы были в абсолютном меньшинстве. Следует отметить, что во времена Великой депрессии 1930-х годов модель Адама Смита перестала работать и на смену ей пришла теория великого английского экономиста Джона Мейнарда Кейнса. Он предложил весьма элегантно математическое обоснование причин стагнации мировой экономики, а также разработал методику ее быстрого оздоровления путем дефицитного бюджетного финансирования. Кейнсианская идея необходимости вмешательства государства в экономическую деятельность безраздельно господствовала среди специалистов в середине 1970-х годов. Комитет по экономической политике практически единодушно считал, что рыночный механизм формирования зарплат и цен сам по себе неэффективен и ненадежен, поэтому должен дополняться «политикой регулирования доходов». Форма реализации такой политики в каждой стране была своей, однако в общем она предусматривала правила ведения переговоров об уровне заработной платы между руководством предприятий и профсоюзами, которые в те годы были значительно более многочисленными и влиятельными, чем сейчас. Эти правила считались добровольными и не предполагали тотального контроля за уровнем зарплат и цен. Однако они подкреплялись инструментами регулирования, с помощью которых правительство воздействовало на нарушителей. Если политика проваливалась, вводился официальный контроль зарплат и цен. Именно так поступил президент Никсон в 1971 году. Его решение, не принесшее ожидаемых результатов, хотя и весьма популярное изначально, стало одним из последних примеров интервенционизма в развитых странах в послевоенные годы.

Еще во времена учебы меня восхищала стройность теории функционирования рынков со свободной конкуренцией. Шесть десятилетий спустя я увидел, как эта теория работает (хотя и не всегда). Мне посчастливилось общаться со всеми виднейшими деятелями экономики прошлого поколения, у меня был неограниченный доступ к количественной и качественной

информации о мировых экономических тенденциях. Волей-неволей я начал делать обобщения на основе собственного опыта и еще более укрепился в мысли о благотворном эффекте свободной рыночной экономики. В самом деле, за исключением нескольких неоднозначных ситуаций я не могу назвать ни одного случая, когда усиление роли коммерческого права и защиты прав собственности не приводило к улучшению материального благополучия.

Тем не менее в мире не утихают споры о том, насколько справедливо распределяются плоды свободной конкуренции. На протяжении этой книги я неоднократно подчеркиваю неоднозначность отношения людей к рыночным силам. Конкуренция сама по себе — довольно жесткая вещь, поскольку она порождает победителей и проигравших. В книге сделана попытка проанализировать коллизии, связанные с быстрым изменением глобализированной экономики и неизменностью природы человека. Борьба этих противоположных начал обусловила, с одной стороны, экономические успехи последней четверти прошлого века, а с другой стороны, стала причиной тревог и озабоченности.

К сожалению, мы редко задумываемся о существовании основного субъекта экономической деятельности — человека. Кто мы? Какие качества, заложенные в нас от природы, не меняются ни при каких обстоятельствах? Насколько мы свободны в выборе образа действий и путей познания мира? Я пытаюсь найти ответы на эти вопросы с тех самых пор, как впервые сформулировал их.

За 60 лет я объехал весь мир и не раз убеждался в том, что люди во многом схожи друг с другом. Это сходство невозможно объяснить ни культурными, историческими или языковыми причинами, ни простой случайностью. Все люди от рождения стремятся заслужить уважение к себе, т. е. заслужить одобрение окружающих. Именно это стремление определяет, на что мы тратим наши деньги. Именно оно побуждает людей работать на заводах и в офисах бок о бок друг с другом, хотя уже не за горами времена, когда технические возможности позволят трудиться индивидуально в киберпространстве. В каждом человеке заложена потребность взаимодействовать с другими людьми, потребность получать одобрение со стороны. Истинные отшельники — редкое исключение. Уважение формируется на основе множества благоприобретенных или осознанно выбранных ценностей, которые люди, обоснованно или необос-

нованно, считают обогащающими их жизнь. Мы не можем существовать без набора внутренних ценностей, помогающих нам принимать каждодневные решения. Но если потребность в ценностях дана нам с рождения, то их содержание — нет. Эта потребность вытекает из присущего каждому человеку чувства морали, которое побуждало массы искать жизненные ориентиры в многочисленных религиозных учениях на протяжении тысячелетней истории человечества. Частью врожденного морального кодекса являются понятия справедливости и порядочности. Каждый человек вкладывает в понятие справедливости свой смысл, но людей, лишенных внутренней потребности в ее оценке, не существует. Именно эта внутренняя потребность является основой для создания законов, которые регулируют жизнь общества. Именно на ее основе мы судим об ответственности человека за свои поступки.

Экономисты должны хорошо понимать человеческую природу, особенно такие ее проявления, как стремление к богатству и страх. Стремление к богатству — это торжество жизни. Жизнь должна быть приятной, иначе она теряет смысл. К сожалению, стремление к богатству иногда заставляет людей выходить за пределы допустимого. Когда реальность оказывается слишком жестокой, стремление к богатству сменяется страхом. Страх — это реакция человека на угрозу для самого глубокого из наших внутренних чувств: нашего желания жить. Страх лежит в основе многих наших экономических действий, например в основе неприятия риска, которое ограничивает готовность вкладывать средства и вести коммерческую деятельность вдали от дома. В своем крайнем проявлении страх заставляет нас уходить с рынков, что становится причиной падения экономической активности.

Один из ключевых аспектов человеческой природы — уровень интеллекта, от которого напрямую зависит, насколько успешно мы сможем обеспечивать себя. Как отмечено в конце этой книги, даже в наиболее развитых в технологическом отношении странах часовая производительность в среднем повышается не более чем на 3% в год (наблюдения проводились на протяжении длительного периода). Видимо, это и есть максимальная скорость, с которой инновации способны обеспечивать улучшение уровня жизни. Ожидать большего, судя по всему, вряд ли стоит.

В новом мире существует немало причин для страха, включая разрушение многих непоколебимых ранее устоев индиви-

дуальности и безопасности. В тех сферах, где ситуация меняется особенно быстро, больше всего беспокоят усиливающиеся диспропорции в распределении доходов. Мы, воистину, живем в эпоху потрясений, и было бы неблагоприятно и аморально занижать цену, в которую они обходятся человечеству. В условиях углубляющейся интеграции глобальной экономики граждане мира оказываются перед выбором: воспользоваться преимуществами свободного рынка и открытого общества для избавления миллионов людей от нищеты, продолжать развитие цивилизации в направлении лучшей, более содержательной жизни, сохраняя при этом фундаментальные права и свободы, или же отказаться от этих возможностей и погрузиться в пучину межэтнической и межплеменной вражды, увлечься популизмом, трайбализмом и прочими «измами», к которым за неимением лучших средств апеллируют сообщества, чья самобытность оказывается под угрозой. Грядущие десятилетия готовят нам немало трудностей, и только от нас самих зависит, сможем ли мы их преодолеть. Например, для американцев сейчас очень важно создать условия для притока в страну квалифицированной рабочей силы и провести реформу образования. Кроме того, необходимо предотвратить надвигающийся кризис программы Medicare. К этим вопросам я еще вернусь в конце книги. Главная мысль последней главы заключается в том, что, несмотря на несовершенство человеческой природы, мы стойко выдерживаем испытания и движемся вперед вовсе не случайно. Это качество — часть нашей сущности. Вот почему я на протяжении десятилетий смотрю в будущее с оптимизмом.

1. МАЛЬЧИШКА ИЗ БОЛЬШОГО ГОРОДА

Если спуститься в подземку в западной части Манхэттена и проехать на север, минуя Таймс-сквер, Центральный парк и Гарлем, вы окажетесь в Вашингтон-хайтс — районе, где прошло мое детство. Он находится на противоположном по отношению к Уолл-стрит конце острова, неподалеку от того места, где Петер Минуит, по преданию, купил у индейцев Манхэттен за 24 доллара (сейчас на этом месте установлен памятный камень).

Наш квартал был застроен по большей части невысокими кирпичными домами, в которых жили еврейские иммигранты, прибывшие в США перед Первой мировой войной, а также выходцы из Ирландии и Германии. Мои предки по отцовской и материнской линии — Гринспены и Голдсмиты — приехали в страну на рубеже XIX–XX веков: Гринспены из Румынии, а Голдсмиты из Венгрии. Большинство проживавших в районе семей, включая нашу, относились к среднему классу, в отличие от еврейской бедноты Нижнего Ист-сайда. Даже в самые тяжелые годы Великой депрессии, когда я учился в начальной школе, мы не ограничивали себя в питании. Если кто-то из наших родственников и терпел лишения, то я во всяком случае ничего об этом не знал. Более того, мне выдавали деньги на карманные расходы — по 25 центов в неделю.

Я родился в 1926 году и был единственным ребенком в семье. Отца моего звали Герберт, а мать — Роуз. Они расстались вскоре после моего рождения, когда я был слишком мал, чтобы осознать произошедшее. После развода отец вернулся к своим родителям в Бруклин, где он вырос. Впоследствии у него появилась новая семья. Я остался с матерью, которая меня и воспитала. Хотя к моменту развода ей исполнилось всего 26 и она была очень привлекательна, мать взяла свою девичью фамилию и больше замуж не выходила. Она получила место продавца в мебельном магазине Ludwig Baumann в Бронксе и умудрилась не потерять его даже в период Великой депрессии. Именно благодаря матери нам удавалось сводить концы с концами.

Роуз была младшей из пятерых детей в семье, и мы не могли пожаловаться на недостаток внимания со стороны родственников. Мои кузены

и кухни, дяди и тети всегда играли большую роль в нашей жизни, что отчасти компенсировало мне отсутствие отца, родных братьев и сестер. Некоторое время мы с матерью жили у бабушки с бабушкой — Натана и Анны. Семейство Голдсмитов отличалось жизнерадостностью и склонностью к музыке. Мой дядя Марри, пианист, умел играть с листа самые сложные музыкальные произведения. Сменив имя на Марио Сильва, он занялся шоу-бизнесом и в соавторстве написал бродвейский мюзикл «Песнь любви» о жизни композитора Роберта Шумана. Впоследствии дядя переехал в Голливуд, где на основе этого мюзикла был снят одноименный фильм с Кэтрин Хепберн и Полом Хенрейдом в главных ролях. Мои родственники довольно регулярно собирались вместе. Дядя Марри играл, а мать пела — она обладала звучным контральто и любила подражать бродвейской певице и актрисе Хелен Морган, известной исполнительнице популярных песенок типа «И все же я люблю его». В целом же мать вела тихий образ жизни, в центре которой была семья. Она отличалась оптимизмом, уравновешенностью и не слишком высокими интеллектуальными запросами. Из печатных изданий она читала лишь газету *Daily News*; в нашей гостиной центральное место занимали не книжные полки, а кабинетный рояль.

Мой двоюродный брат Уэсли, который был старше меня на четыре года, во многом заменял мне родного брата. В начале 1930-х его родители снимали на лето дом неподалеку от океана, в районе Эджмир в южной части Куинса. Мы с Уэсли часто бродили по пляжам в поисках оброненных монет. Даже в разгар Великой депрессии люди не переставали ходить на пляж и терять деньги. С той поры я постоянно смотрю под ноги при ходьбе. Тем, кто спрашивает, зачем, я обычно отвечаю: «Деньги ищу...»

Отца мне все же не хватало. Примерно раз в месяц я садился в метро и ехал в Бруклин навестить его. Он был брокером на Уолл-стрит (или, как говорили в те годы, «представителем клиентов») и работал с мелкими, ныне давно забытыми, компаниями. Отец был стройным, красивым мужчиной, он хорошо одевался и немного походил на актера Джина Келли. По-настоящему больших денег у него никогда не водилось. В его общении со мной чувствовалась неловкость, которая невольно передавалась и мне. В 1935 году, когда я был девятилетним мальчишкой, он написал книгу «Конец кризиса» (*Recovery Ahead!*), которую посвятил мне. В ней говорилось о том, что Новый курс президента Рузвельта приведет к оздоровлению американской экономики. Отец торжественно вручил мне экземпляр с такой надписью:

«Моему сыну Алану

Пусть эта книга, написанная с неотступной мыслью о тебе, станет прологом бесконечной череды твоих работ. Надеюсь, наступит время, когда ты, оглядываясь назад и стараясь проникнуть в сказанное, сможешь понять логику моих прогнозов и задумаешься о создании собственного труда, подобного этому. Папа».

В бытность председателем ФРС я иногда показывал эти строки своим собеседникам. Реакция на них была неизменной: все приходило к выводу, что способность к туманным выступлениям перед конгрессом передалась мне по наследству. Однако в девять лет я совершенно не понял отцовских слов. Повертев книгу в руках, я с трудом осилил несколько страниц и на долго отложил ее в сторону.

Наверное, от отца мне досталась и способность к математическим вычислениям. Когда я был еще совсем маленьким, мать любила в присутствии родственников спросить меня: «Алан, а сколько будет тридцать пять плюс девяносто два?» И я давал правильный ответ. Потом мы переходили к сложению трехзначных чисел, потом к умножению и так далее. Несмотря на ранний «венец математической славы», я был довольно застенчивым мальчиком. И если мать нередко играла роль звезды на семейных вечеринках, то я предпочитал отсиживаться в уголке.

В девятилетнем возрасте я стал завзятым бейсбольным болельщиком. Стадион Polo Grounds находился буквально в нескольких минутах ходьбы от дома, и ребята из нашего квартала частенько пробирались туда бесплатно, чтобы посмотреть на игру команды Giants. Но я болел за Yankees, а до их стадиона нужно было ехать на метро, поэтому о матчах с участием Yankees я узнавал в основном из газет. Регулярная радиотрансляция матчей началась в Нью-Йорке только в 1939 году, но чемпионат World Series 1936 все же транслировался, и я разработал собственную систему учета результатов игр. На листочках зеленого цвета (мне нравилась именно зеленая бумага) я записывал ход каждой игры, подачу за подачей, используя условные символы собственного изобретения. Моя память, которая до тех пор практически не использовалась, начала наполняться бейсбольной статистикой. Даже сегодня я могу воспроизвести схему расположения игроков Yankees, назвать их позиции и среднюю результативность в этом чемпионате. Чемпионат World Series 1936 стал дебютом Джо Димаджио (в том сезоне его результативность составила 0,323), а Yankees выиграли у Giants со счетом 4 : 2. Определяя среднюю результативность, я научился переводить простые дроби в десятичные: 3 на 11 дают 0,273; 5 на 13 — 0,385; 7 на 22 — 0,318. Однако моя практика не выходила за пределы 4/10, поскольку мало кто из бэттеров демонстрировал показатели выше 0,400.

Мне хотелось и самому стать бейсболистом. Я неплохо играл в дворовых командах — у меня определенно были задатки игрока первой базы (левша с хорошей реакцией и подвижностью). Когда мне исполнилось 14 лет, один из более взрослых парней (возможно, ему было 18) сказал: «Если будешь и дальше так играть, то вполне можешь попасть в высшую лигу». Нужно ли говорить, как приятно было слышать такие слова? Но моя карьера в бейсболе на этом завершилась. После того сезона мне уже не везло. Я достиг своего предела в 14.

Помимо бейсбола я увлекался азбукой Морзе. В конце 1930-х годов в моде были вестерны, и мы бежали в кинотеатр, чтобы за 25 центов насладиться очередными приключениями отважного ковбоя Хопалонга Кэссиди. Однако в этих фильмах меня больше всего привлекали персонажи телеграфистов. В критический момент они могли мгновенно вызывать помощь или предупредить о готовящемся набеге индейцев (конечно, если телеграфная линия не была перерезанной). Более того, работа телеграфиста казалась своего рода искусством. Опытный оператор передавал 40–50 слов в минуту, а его коллега на другом конце провода не просто принимал сообщение, но по особенностям ритма и звука определял, кто именно с ним на связи: «Узнаю, узнаю... Это же старина Джо выстукивает!» Мы с приятелем Херби Хоумзом раздобыли телеграфный аппарат с двумя ключами и начали практиковаться в передаче и приеме сообщений. Наша скорость, конечно, была черепашьей, но причастность к тайне азбуки Морзе наполняла мою душу трепетом. Нечто похожее я испытал много лет спустя, когда появилась возможность напрямую общаться через спутник связи с главами центральных банков других стран.

Втайне я мечтал уехать из Нью-Йорка. Иногда по ночам я крутил ручку настройки радиоприемника, пытаясь поймать далекие станции. В 11 лет я начал коллекционировать железнодорожные расписания со всей страны. Я мог часами заучивать маршруты и названия городов, находящихся в 48 штатах. Воображение рисовало увлекательные картины — вот я еду по Великой северной железной дороге по бескрайним равнинам Миннесоты, Северной Дакоты и Монтаны с остановками в Фарго, Майноте и Хавре, а затем двигаюсь дальше, через континентальный водораздел...

Однажды, когда мне было 13, отец предложил поехать с ним в командировку в Чикаго. Мы отправились на Пенсильванский вокзал и сели в Broadway Limited — главный поезд Пенсильванской железной дороги. Миновав Филадельфию, поезд повернул на запад, проследовал через Гаррисберг и Алтуну и уже ночью прибыл в Питтсбург. В темноте за окном проплывали огромные сталеплавильные печи, изрыгающие пламя и искры — так я впервые столкнулся с металлургией, которая впоследствии стала моей специальностью. В Чикаго я фотографировал местные достопримечательности вроде водонапорной башни, улицы Лэйк-шор-драйв, а вернувшись домой, проявил отснятую пленку (фотография также входила в число моих увлечений). Эта поездка укрепила мое стремление к жизни более интересной и насыщенной, чем жизнь обычного мальчишки из Вашингтон-хайтс. Но я ни с кем не делился своими мечтами. Мать знала о моем пристрастии к коллекционированию железнодорожных расписаний, но она не догадывалась о том, что эти таблицы с названиями станций значили для меня. С их помощью я пытался убежать из ее мира.

А еще моей страстью была музыка. В двенадцатилетнем возрасте я услышал, как играет на кларнете моя двоюродная сестра Клэр, и стал

с упоением осваивать этот инструмент, занимаясь от трех до шести часов каждый день. Вначале я разучивал только классические композиции, но очень скоро переключился на джаз. Один из моих приятелей, у которого был патефон, как-то раз пригласил меня к себе и поставил пластинку с записью «Пой, пой, пой» в исполнении Бенни Гудмана с оркестром. Я сразу же влюбился в джаз.

Это была выдающаяся эпоха в развитии музыки. Гудман, Арти Шоу и Флетчер Хендерсон стали основателями принципиально нового стиля биг-бэнд, совместившего в себе танцевальные ритмы 1920-х годов с элементами регтайма, спиричуэлсов, блюза и европейской музыки. Это направление приобрело такую популярность, что в 1938 году оркестр Гудмана получил приглашение выступить в Карнеги-холле, где прежде исполнялись исключительно произведения классиков. Кроме кларнета я учился играть на саксофоне — он казался мне самым ярким инструментом биг-бэнда.

Одним из моих кумиров тех лет был Гленн Миллер. В состав его оркестра входили кларнет, два альтовых и два теноровых саксофона, что придавало джазовым композициям особое бархатистое звучание. В 1941 году мне довелось побывать на выступлении знаменитого оркестра в отеле Pennsylvania. Пробравшись к эстраде, я оказался буквально в нескольких метрах от самого Гленна Миллера. Когда музыканты начали играть Шестую симфонию Чайковского в танцевальной аранжировке, я выпалил: «Это же “Патетическая”!» Миллер посмотрел на меня с уважением: «Ну ты даешь, парень!»

Средняя школа Джорджа Вашингтона, находившаяся в полутора милях от нашего дома, считалась одной из самых больших и престижных в Нью-Йорке. Когда я поступил в нее осенью 1940 года, она была рассчитана на три тысячи человек (включая вечернее отделение), однако в действительности учащихся было намного больше. Тех, кто жил за пределами района, принимали на конкурсной основе, причем отбор проводился весьма жестко. Причиной в определенной мере была Великая депрессия — большинство из нас могли рассчитывать в жизни только на самих себя, и мы понимали, что для достижения результата нужно упорно трудиться¹. В то время уже явно ощущались признаки надвигающейся войны, хотя до Перл-Харбора оставалось больше года. Нацистская Германия захватила всю Западную Европу, а по радио потоком шли сообщения о судах, потопленных в Атлантике немецкими подводными лодками, и транслировались репортажи Эдварда Марроу о налетах люфтваффе на Лондон.

Приближение войны чувствовалось еще и по количеству беженцев среди учеников нашей школы. В основном это были дети из еврейских семей,

---

¹ Конкуренция присутствовала не только в учебных классах, но и на спортивных площадках: школа Джорджа Вашингтона славилась среди городских учебных заведений своими игроками в бейсбол и американский футбол.

укрывшихся в США от преследований нацистов. Когда я поступил в школу Джорджа Вашингтона, ее заканчивал Генри Киссинджер, с которым мы познакомились лишь три десятилетия спустя. На занятия по математике вместе со мной ходил венгерский мальчик-беженец Джон Кемени, впоследствии ставший помощником Эйнштейна, одним из авторов языка программирования BASIC (совместно с Томасом Куртцем) и президентом Дартмутского колледжа. Джон приехал в Америку незадолго до нашего знакомства и говорил по-английски с заметным акцентом, но в математике он был необыкновенно силен. Меня очень интересовало, откуда у него такие способности и не являются ли они результатом того образования, которое он получил в Венгрии. Однажды я спросил Джона: «Ты так хорошо знаешь математику, потому что приехал из Европы?» Мне ужасно хотелось, чтобы ответ был утвердительным. Это означало бы, что его превосходство не следствие таланта и что я могу добиться таких же успехов путем усердных занятий. Однако мой вопрос, по-видимому, озадачил его. Джон пожал плечами и ответил: «Так ведь... все мы из Европы».

Учился я неровно, хотя и довольно старательно. Когда мне удавалось сосредоточиться на учебе, результаты оказывались неплохими, особенно в математике. Но в тех дисциплинах, которые не представляли для меня интереса, мои успехи были посредственными, поскольку бейсбол и музыка отнимали слишком много времени. Постепенно занятия музыкой стали приобретать все большее значение для меня. Помимо прочего, они приносили мне деньги — я играл в танцевальных оркестрах, и по выходным мог заработать порядка 10 долларов за пару выступлений.

Я очень хорошо помню тот день, когда японцы нанесли удар по Перл-Харбору. Занимаясь на кларнете в своей комнате, я в перерыве включил радио и услышал сообщение о нападении. Как и большинство окружающих, я понятия не имел, где находится Перл-Харбор. У меня и мысли не было, что это начало войны. Я надеялся, что скоро все утрясется. В пятнадцатилетнем возрасте любые проблемы, кроме личных, кажутся далекими и мало-значительными.

Однако не замечать войну было невозможно. Уже весной ввели распределение продуктов по карточкам, а большинство ребят отправлялись в армию сразу же после окончания школы, едва достигнув восемнадцати. Летом 1942 года в составе оркестра из шести музыкантов я отправился работать в один из курортных отелей в горах Катскилл. Молодежи среди отдыхающих практически не было, преобладали люди среднего и пожилого возраста. Настроение у всех было подавленное. Всю весну американский флот стремительно терял позиции на Тихом океане, и даже после решающей победы США у атолла Мидуэй цензура действовала настолько жестко, что реальное положение дел оставалось для обывателей неизвестным. Так или иначе, особого оптимизма в обществе не ощущалось.